
Чёрная, тонкая, нежная лошадь...
Грива – что небо под грозным крестом,
взор – многозначно-распльвчатый роршах,
тело – бывало, видать, под кнутом...

Ну-те дрожать!.. Коль тебе непривычны
ласки – ударю! – видать, знакомей...
Я, бишь, не князь – не боюсь волховичьих
чар: из глазниц выползающих змей.

Реминисценция... Времени стремя...

Выйдем же, милая, в поле вдвоём!

...медленномедленномедленно сщемит
небо меж тучами бледный проём,
и – по тебе: по глазам непроглядным,
по волосам дожделивей дожда, –
покатом, рокотом, роскатом жадным
лето пропляшет!.. а чуть погодя,
выложившись, как цыганка для графа,
бубен отбросит и сядет к ногам...

Милая! Затхлых сартреюющих кафок,
видишь ли, пыль разгребать – тоже нам,
но не сейчас – перебить чёрных кошек
всех подчистую – не хватит колов.

...рыжая женщина – чёрная лошадь...

Милая, где загулял наш Брюллов?

Внутренние тихие теракты...
Золотистый плюшевый табак.
По моей по карме едет трактор.
А на нём – большой бесцветный флаг.

Тот, который был живого цвета,
стал постыдным для моих друзей.
Тот, который... А иного нет и
быть не собирается. Музей

разевает двери для экскурсий
в пряжу изметавшихся структур.
На губных тарелках племя мурси
носит пепел от палёных кур.

В глинистых косичках женщин хамер
скачут солнца дикие лучи.
Я об этом. Ничего, где камень
на груди устойчиво молчит.

Не о том, как ни к селу влюбилась
в собственную старую жену,
что из прошлой жизни прибудилась
в мегаравнодушную страну.

Не о той стране – как три вселенных,
необъятной, и такой иной,
где грызёт огонь своё полено,
будто мышь запасливый – зерно.

Не о той любви, что туже нимба,
вымолчу слепому фонарю.
У меня сестрёнка в трибе химба.
Я ей завтра бусы подарю.

Пизанской башни вздыбленная рысь...
Неправильные тени Иванова...
А белка, превратившаяся в мысль,
Мир одарила поговоркой новой,

Известной студюзусам с тех лет,
Когда незнанье притворяется знаньем
Училось только на Руси... Ответ
Всегда не верен. Истина – за гранью.

...Когда бы мелосец века спустя
увидел лёгкость совершенства, груза
лишённую, – ни локтя, ни перста
для Афродиты бы не взял у Музы.

А наш фотограф Вася? Вечно пьян,
Но в кривизне своих портретов – гений.
Судьба сама решает, где изъян
Добавить к завершению творений.

Ты – под замком молчанья. Душна
твоя неволя.
Великомученик, не нужно
стыдиться боли.

Решил ты: это – не для воя
кликнушей дикой.
Великомученик, не стоит
бояться крика.

Но... расплодился по сознанию
змея-крольчиха...
Великомученик, ты знаешь,
мне тоже тихо.

Хоть тишина любых истерик
вольнее слуху,
великомученик, ты веришь,
мне тоже глухо...

Есть любовная апологетика,
небоскрёб из единой ступеньки.

Ей потребна – твоя энергетика,
а не тело, не чувства, не деньги.

Чтобы пользоваться энергетикой,
узнаются привычки и имя,
а объект потребления (для этики)
именуется словом «любимый».

Ты не смейся над ней, терпеливицей,
выносящей твои сволочизмы.
Приглядись к ней поближе: приливится
огневою волною харизма

в рысьем взоре, готовом к распотрошью,
в жадных рук загребушем сирокко...
Ей бы – дротик осиновый – под душу!
Да серебряник – в каждое око...

Что ей ласки твои? Что букетики?
«Шоб було!» – остальное – хоть в воду!
Ты теряешь свою энергетику,
а она – обретает свободу.

А я летала.

Истинно, когда
принять за воздух воду, а за крыльев
движения – гребки. И чтоб вода
была прозрачней воздуха... Чтоб были
баллоны как приросшие к спине,
точнее, вырастающие, словно
всё те же крылья... птичьи? рыбы?..

Нет,
похоже, виснет слишком много слов на
естественнейшем действии – лечу!
От жадности земного притяженья
лечусь. От гулких сталетонных «чуд»,
которым только и дано движенье

по воздуху, по страху перед «Бац!
И – всмятку!» – это и назвать полётом
позорно... Или жалкий ветропляс,
где тело под куском раздутой плёнки
на человека не похоже – кто б
посмел сравнить парашютиста с птицей?

Падения всемирного потоп...

Нам воздух – не летать: мы в нём топиться
ещё не разучились. Видит Бог,
в нём толком даже и ходить не можем:
всё утомляемся и болью ног
страдаем, жаром и ознобом кожи...

А я летала.

Не велел дышать
в воде нам Бог, чем приказал поверить,
что истинно летает – лишь душа.

А телу всё равно пора на берег.

Болезни – это, право, не беда.
Они – лекарство. Помнишь ту ангину,
с чьей помощью протухшая вода
любви с тебя сошла наполовину?

А то – не видишь и в глазу бельма,
когда саднят сердечные мозоли.
Не всё ль равно, куда сходить с ума,
когда уже сошёл в чужую волю.

Когда шизолюбвия обнесла
своим налётом действия и строфы,
не всё ль равно, куда сходить с осла:
на вайи или сразу на Голгофу.

Не лучше бы проехать дальше? Кон
ещё не сыгран, и король твой матом
не послан... И не так ты высоко,
чтобы сходить с чего-то и куда-то.

Попробуй лучше НА... На гору влезь,
Ну, пусть хотя бы на вершину славы.
Она летальна – звёздная болезнь,
зато хоть полетаешь на халяву.

НА РАВНЫХ

Я антилегендный человек.
Обо мне ни притчи не напишут...
Обо мне и завтра не услышат,
что уж там через какой-то век...

Незавидна даже чистота –
не видна к ней грязная дорога.
Каждый в нас всем адом ищет Бога –
а находит... хоспади, Христа...

Потому что ближе всех лежит.
Потому что вкусен и разжѣван.
Как присноблаженная донцова,
в воздухе штампует тиражи.

Не возьму того, что хочет ВСЕ –
этот зверь уж слишком неразборчив:
всѣ, что в рот положат. «Богоборчество»
клейма на миру – во всей красе.

Потому – чтобы не быть в толпе.
Для того – чтоб не тонуть в болоте.
Чтобы в притче-басне-анекдоте –
вкрученном – не изменить себе.

...Ты ль не на поверхности морской
ходишь, только чтоб не быть в глубинах?
Не в твоей ли благодати едины –
равноценны! – грузчик и Толстой?

Ты спасаешь всех. И перегной
расцветѣт под благодатным Словом.
Мне бы тоже стать твоим уловом...
Но зачем ты говоришь со мной

так, как будто скорбна головой
я, в глухом селе живу при этом.
О, Другой! Ты говоришь с поэтом!
Сам язык для коего – живой.

Твой язык, как и твои пути,
неисповедим и – беззаконен.
У тебя и кони на иконе
встанут, если тем дано спасти.

Я больна душой. Но не умом.
Скажешь, суета – значенье формы?
Боже, где мой Логос чистых формул
мира – без блаженных аксиом?

Го-во-ри... Я слышу! Я жива.
Истина!.. перерезает душу.
Я твою же заповедь нарушу,
если принесу твои слова

столь тобой возлюбленной толпе,
милой ВСЕ – безглавому болоту, –
пошатну твою над ней работу,
этим помешаю я тебе.

Пусть на малость, на несчастный миг...
Но у мига – сила ста Вселенных.
Ад наш здесь: изменение – мгновенно.
Жизни – в смерть, безмолвия – во крик,

пустоты – в уже не пустоту,
цельности – в уже без некой части.
От Причастия – к дее-причастью
тоже миг. И я его учту.

Подожью в архив, и – на крови –
штамп: «Перед прочтением застрелиться».
А потом попробую молиться
о безглавой вере и любви...

Да, ты Бог. Но не интеллигент.
Плач предпочитаешь разговору.
Так перетопи во щель свору
обо мне не созданных легенд,

чтобы твой блаженный идиот,
что гвоздён лишь каяться да биться,
не посмел ни мига усомниться,
ни на точку не сместился от...

Давай скорей, дари свои цветы,
пока ещё земны мои минуты.

Пока ещё не знаю чистоты
прыжка над нераскрытым парашютом,
и крика, что взрывает облака
и заставляет ангелов метаться,
и мысли: «Их покой – в моих руках», –
и мне решать: быть с ними ли, остаться
среди ходячих или, удивив
и тех и тех, зависнуть в межрешенье...

Дари цветы и громче о любви
шепчи, моё земное притяженье.